

ИЗ АРХИВА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

С этого выпуска журнала мы начинаем публикацию цикла произведений выдающегося немецкого географа и социолога, основоположника германской школы геополитики Карла Хаусхофера (1869-1946).

Хаусхофер К. Панидеи в геополитике

Karl Haushofer, Geopolitik der Pan-Ideen ("Weltpolitische Bücherei". Bd 21. Berlin, 1931)

Глава I

К вопросу о геополитике панидей

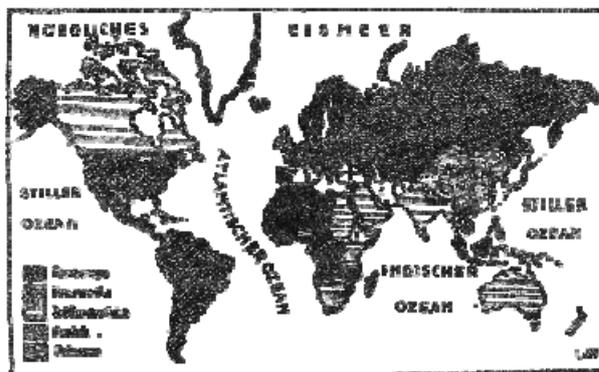
Убедительный опыт географии и истории свидетельствует о том, что все идеи, которые провозглашают охватывающие целые народы, широкие цели (панидеи), инстинктивно стремятся к воплощению, а затем и к развитию в пространстве, становясь поддающимися описанию и реальными явлениями на просторах Земли в понятных, имеющих мировое политическое значение формах, даже если их предвестники категорично уверяют: "Царство Мое не от мира сего"¹, как христианство, или же устремлялись к нирване¹, как буддизм.

Подобный опыт показывает нам, вплоть до сегодняшнего дня, по меньшей мере сквозь семь тысячелетий², что человечество нередко и во многих своих начинаниях задерживалось на пути, ведущем от общинно-племенной групповой организации через народное (национальное) государство к мечте о совместном освоении всех известных земель, о планетарном союзе. И этот опыт можно рассматривать и изучать до известной степени как застывший, окаменевший, принадлежащий прошлому, не более как ожившие руины, а отчасти (и при этом гораздо больше, чем кажется на первый беглый взгляд) – как вполне еще жизнестойкие образования или жизненные формы будущего, способные воскреснуть из небытия и даже искусно уклониться от пытливого вмешательства науки.

Но как ловко ценители панидей – дипломаты и государственные мужи затуманивают ради национальных в своей основе целей эти превращения. В тот момент, когда панидеи воплощаются на просторах Земли – и пусть это происходит в скромных формах родового наследия апостола Петра³ или нынешнего Ватикана, в исполнительных органах Второго или Третьего Интернационалов, Панамериканских союзов⁴ или объединенного всемирного государства, в протоколах Пантхоокеанского союза, в журнале "Пан-Европа" с его точной картой мира на обороте, – они тотчас же становятся добычей науки о пространстве в ее применении к государственной оформленной воле, объектом геополитики,

которая исследует определяемые Землей, происходящие на ее почве процессы при каждом воплощении власти (силы) в пространстве, ее разделении, перераспределении, динамике, даже если речь идет о влиянии идей и их носителей.

Итак, наряду с атрибутами политического величия на реальной почве (auf dem Rücken der Erde), руническими и межевыми (пограничными) знаками, оборонительными сооружениями наподобие Великой Китайской стены, наряду с воротами и гербовыми колоннами (в возведении которых особенно преуспевали иберы – испанцы и португальцы), наряду с рубежами культуры, которые для скрытого империализма более

*Разделение Панъевропейским союзом
Куденхофе-Калерги земного пространства
по панидеям (середина 20-х годов XX в.)*

PanEuropa – пан-Европа

Panamerica – пан-Америка

Britbundes-Reich – Британская федеративная империя

Russischbundes-Reich – Российская федеративная империя

Ostasien – Восточная Азия

коварны, чем осознавал кое-кто из их творцов (ямен у китайцев⁵, купола мусульманской мечети и ортодоксальной [православной] церкви, звонницы католических храмов и пагоды буддистов, монастыри-крепости, римские дороги и акведуки), следовало бы наблюдать прежде всего за земным образом жизни, путями носителей панидей как вершителей власти на планете, дабы воздать должное их следам, их поступ-

кам в настоящем и будущем. Из этого становится ясным далее, насколько широко возможно исследовать в столь сжатых рамках осуществимость панидей в политическом пространстве, их долговечность и их сущностные, обусловленные природой черты, зафиксировать их диапазон (Umfang) в нескольких схемах, подтвердить документально, где ныне действующие панидеи разграничиваются (abgrenzen) или пересекаются, каким ожидаемым возможностям они при этом идут навстречу, и как можно шире показать, каким образом передовые борцы за эти идеи могли бы обойти опасности, вняв предостережениям геополитики, главная задача которой в предвидении без каких-либо оговорок (prognose sine ira et studio)⁶.

“Идите и научите все народы”ⁱⁱ – таков лейтмотив Нагорной проповеди⁷, но, рассматриваемый с точки зрения геополитики, он все же выражает и мысль о власти в пространстве. Уже в прошлом эта мысль отчетливо пересекается с другой: “Tu regere imperio populos, Romane, memento!”⁸ И такие категорические императивы панидей – из-за которых те обе, однако же, скрещивали мечи в двухтысячелетней борьбе духовного и светского⁹ в Центральной Европе – пересекаются, сталкиваются, заполняют становящееся все более тесным пространство, хотя их создатели ходили босыми, лишь с нищенской сумой в монашеском облачении, как Будда, или же как мечтательные подпаски с посохом, подобно основателю мировой империи Ирана¹⁰. Впрочем, монах-император Ашока¹¹, прежде чем изменить свои убеждения, вел кровавые миссионерские войны; а радующийся миру граф Куденхове-Калерги, украсивший свой журнал *картой пан-Европы*, в [первой] мировой войне по меньшей мере был равнодушен к подавлению движения многих миллионов за самоопределение. Однако если мы попытаемся рассмотренные в таком свете панидеи прошлого, протекавшие процессы их инкарнации (воплощения) отделить от таковых в современной жизни, то узнаем, сколь жизнестойки однажды осуществленные панидеи, так что совсем немногие следует считать отмершими, но даже и в этих случаях вовсе нет уверенности в том, что они не возродятся в новых движениях, имеющих политическое значение для всего мира. Разве мы не видим, что не только Ленин, но и граф Кайзерлинг¹² преисполнены гордости тем, что в них есть частица татарской, урало-алтайской крови, что их влекут в прошлое притягивающие связи с Батыем и Чингисханом? Разве мы не находим в достопочтенных новых атлантах Монгольского народного государства гордость за прародителей – евроазиатские Монгольские империи отзвучавшего

средневековья? Разве мы не видим, как обретает новую жизнь в русской, европейской, а также в китайской и индийской литературе великий завоеватель, первый создатель паназиатской мировой державы Чингисхан? Вместе с тем нам следует чуть помнить об обновлении ликторской связки (fascio)¹³ в некоем третьем Риме!¹⁴

Мы видим, что почти все панидеи прошлого – и среди них многие появившиеся задолго до святилища панэллинского (т.е. всегреческого) Зевса, который подарил нам путеводное слово, – как-то действительны и по сей день. Это панидеи, возникшие на основе религиозных верований Передней и Средней Азии, как идеи мировой державы Ирана, панидеи эллинизма¹⁵, Рима, монголов, иберов, англосаксов, китайцев. Разве мы не узнаем без труда их продолжающееся действие в примирении церковей¹⁶, в панисламизме¹⁷, в движении за Великую Испанию и латинизацию¹⁸, в панславизме¹⁹ и в движении за Великую Британию. Даже огни жизни древних восточноиранских связностей (Zusammenhängen), – столь чудовищно растоптанных монголами, – вновь тянутся вверх, подобно индонезийским, к рунам которых в диаспоре принадлежат такие выдающиеся памятники культуры, как Анкорват и Боробудур²⁰. При этом мы признаем “панидеями” только те, которые, – возвысившись над откровенно завоевательским и эксплуататорским мышлением, – выступали носителями культурных миссий (Kultursendungen) и были обращены фактически ко всем, а не только к одержавшему верх господствующему слою. В число этих идей следует включить и пангерманскую²¹ как наиболее умеренную и подивиться тому, насколько она мало наступательна в сравнении с другими панидеями.

Ведь ее все же никогда не осеняла мысль, которую сегодня многие из находящихся на переднем плане панидей с редкой непринужденностью считают само собой разумеющейся, а именно объединить целые континенты или части Света под знаком известных путеводных воззрений в области культуры, власти и экономики.

С того момента, когда после завершения [первой] мировой войны стало известно, что столь страстно желаемая многими идеалистами консолидация всей планеты в едином сообществе народов – даже в столь шаткой и бессильной структуре, как Женевская [т.е. Лига Наций], – не удалась (поскольку в ней отсутствовали две основные жизненные формы – Соединенные Штаты Северной Америки и Советский Союз, а еще больше власть и воля к подлинному равноправию ее членов и к действенной защите меньшинств), на переднем плане вновь появилась исподволь осуществленная еще в 1900 г. в Авст-

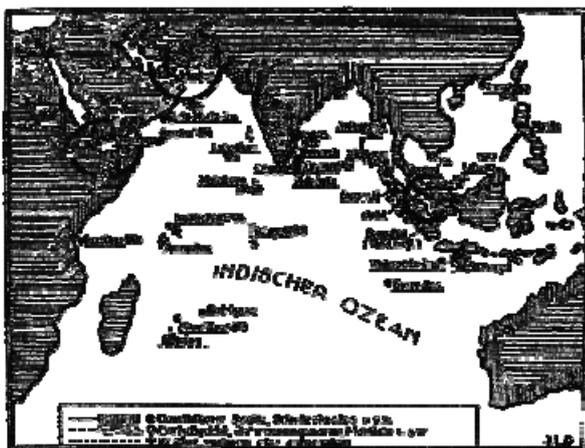
ралии мысль об объединении одной части Света в качестве промежуточной ступени к фактически еще не созревшему подразделению (*Durchgliederung*) структуры всей Земли.

Но при этом быстро обнаружилось две очень большие трудности, а именно то, что отдельные части Света, крупные материковые ландшафты в ходе своего развития совершенно по-разному преуспели на пути к этой цели и что прежде всего представленное еще Ратцелем в столь ярком свете континентально-океанское противоречие заставило считаться с собой.

Из больших традиционных “частей Света” (имеется множество новых классификаций, и среди них предложенные Э. Банзе²², но не вошедшие в обиход) уже однажды оформлялась пан-Азия, но затем распалась. Пан-Австралия еще в 1900 г. консолидировалась в Австралийское сообщество (*Commonwealth*), однако без своего океанского дополнения (Новой Зеландии)²³, на которое сильно рассчитывали при его создании, конструкция получила мнимое равновесие и оставалась столь неудовлетворительной, что у порога всенародное голосование по поводу ее перестройки. Пан-Африка все еще стояла на перепутье и зависела прежде всего от вопроса расовой эмансипации. Пан-Америка располагала международно признанными основными образованиями, но с 1900 г., похоже, бездействовала. Пан-Европа была сокровенной мечтой. Однако именно между этой сокровенной мечтой и возможностью ее осуществления вклинились в качестве парализующей силы морские панидеи, носители которых предстали как прочное следствие былого морского всемирно-политического образования вокруг романского Средиземноморья – средиземноморской Римской империи, а позже ислама, и устойчивое присутствие морских панидей крупных островных народов и островных государств – англосаксов и японцев, равно как и паназиатские связи Советов и сопредельных с ними государств. Не только в Срединных морях Земли, а именно в романском, где панидеи составляли существенное содержание того, что мы так долго называли всемирной историей, в американском, где Соединенные Штаты защищают свою более скромную морскую панидею (наряду с крупной тихоокеанской), в австрало-азиатском, где панмалайская идея восстала против колониальных держав, но и в океанах они уже отчетливо набросили свои пересекающиеся тени, вступив в борьбу с континентальными образованиями.

При этом три океана проявляли себя по отношению к образованиям панидей совершенно по-

разному. В *Атлантическом океане*, который долгое время во многих случаях был разделяющим звеном мировой политики, четко определились меридиональное и широтное размежевание: раздел Север – Юг между англосаксонскими, исконно северогерманскими и иберийскими коренными и колониальными народами (*Stamm- und-Kolonialvölker*) (где Запад противостоял колониально-политическому образу действия посредством мятежей, доктрины Монро²⁴, панамериканских идей, но дополненных умной культурной политикой) и проходящая с Востока на Запад демаркационная линия (*Scheidemark*) германо-иберийского раздела. В *Индийском океане*, где, “оседлав” муссоны, впервые с транспортно-технической точки зрения осилили трансокеанский переход крупного моря (правда, Ратцель был склонен считать его лишь “полуокеаном”), на более ранние малайскую и арабскую панидеи наложилась ныне британская, за которой, однако, становится уже ощутимым индийское притязание на Восточную Африку как “Индийскую Америку”, проникшее при завершении мировой войны в казавшуюся осуществленной британскую империю Индийского моря. Напротив, в *Тихом океане* образовался искусственно вызванный к жизни, но значительный, в основном культурно-политический Пантихоокеанский союз в качестве будущего инструмента осуществления своей панидеи. Но как раз рассмотрение и культурно-политическая оценка этой крупномасштабной синтетической панидеи самого большого моря – самого огромного географического пространства Земли, одной из всеобщих географических категорий всей ее совокупной поверхности – невольно приводят нас к выводу о пересечении панидей, порожденных не нашим временем, но действующих в нем в полную меру. Ведь и пантихоокеанской идее, которая кажется нам сегодня несколько искусственной в сравнении с естественной и традиционной мощью паназиатской, уже более четырехсот лет. Ее общее торжество вокруг “своего моря” началось в тот день св. Михаила 1513 г., когда Нуньес де Бальбоа²⁵, перейдя Панамский перешеек, вышел к Тихому океану с кастильским флагом, чтобы захватить это море как монопольное испанской короны. Бальбоа сознательно совершил смелый прорыв в будущее ради империи, над которой никогда не должно было заходить солнце, однако его панидея продержалась в Великом океане лишь одно поколение – затем она была нарушена британским мореплавателем Дрейком²⁶ в 1578 г. и его последователями.

Создание опорных владений в зоне Индийского океана

Unmittelbarer Besitz – прямое (непосредственное) владение,
 Schutzstaaten u.s.w. – государства, которым оказывается помощь и т.д.
 Einflußgebiet, Interessensphären, Mandate u.s.w. – область влияния, сферы интересов, мандаты и т.д.
 Wieder verloren oder aufgegeben – снова потерянные или признанные таковыми

И все же именно во взаимосвязи паназиатской и пантихоокеанской идей еще больше, чем в связи пан-Европы с какой-нибудь другой панидеей, которая пересекается с мечтами панъевропейцев (вроде панмалайской, евразийской панславизма, великобританской, пананглосаксонской), мы наблюдаем важное, геополитически действующее различие панидеей, разделяющее их на *эволюционные* и *революционные*. Очевидно эволюционные черты несут в себе, например, пантихоокеанская и в меньшей степени, в противовес ее колониально-испанскому происхождению, современная панамериканская идея, а также большинство “наднациональных” объединительных взглядов, исходящих от островных народов и островных государств. Исключение составляет вновь возродившееся вследствие гнета панмалайское движение, которое может стать эволюционным, лишь склоняясь к идее “Великой Японии”, а революционным – обретя мощную поддержку направляемого из Москвы, а также Китая и Индии революционного паназиатского движения, питаемого антагонизмом в положении цветных и белых в мире, – т.е., например, выступающего за “пан-Африку африканцев”, против “белой Австралии”.

Антагонизмы континентальных и морских панидеей и таких, которые надеются скорее посредством преобразования (метаморфоза) или

скорее катастрофы (краха) достигнуть своих целей в пространстве, часто ведут к параллельным, но несовпадающим действиям. Поскольку панидеи разветвляются во многих направлениях, становится, следовательно, необходимым исследовать географическими методами отдельные из них в связи с их политическими инструментами и лозунгами, сопоставив не только во всемирном масштабе, но и в отдельных, по возможности чистых экспериментальных полях.

В качестве средства для такого исследования панидеей напрашивается непосредственно вызванная ими к жизни литература, а также сочинения противоположного толка, которые каждую из них стараются тотчас же освободить от пут. Некоторые панидеи располагают сводными программами, изложенными в таких журналах, как “Pan-Europa”, или “Pacific Affaris” Пантихоокеанского союза, или “Новый Восток” (Москва), “Young Asia”, или в книгах, кои самими соответствующими движениями рассматриваются в качестве своего священного писания, например труд Н.Я. Данилевского “Россия и Европа”ⁱⁱⁱ – “библия” панславизма или книга Б.К. Саркара “Futurism of Young Asia”^{iv}. Другие же программы приходится терпеливо искать в протоколах различных конгрессов и движений.

Зачастую для превентивных мероприятий существуют ангажированные оппоненты, коим обязаны глубоким проникновением в суть пандвижений, как Лотроп Стоддарт, автор книги “New world of Islam” (“Новый мир ислама”)^v, как те представители паназиатских связностей, которыми, например, панъевропейская мысль представляется попыткой колониально-империалистической перестраховки. Более редкими стали спокойные и объективные изложения, в свое время апробированные панамериканским движением (характеристика Зиверсом (1900) его важного инструмента – трансамериканской железной дороги) или Лигой Наций благодаря Говарду Эллису (1928)^{vi}.

Литературный уровень свидетельств, характеризующих геополитику панидеей, весьма различен: от вершин мировой классической литературы вроде увещаний Рабиндраната Тагора, который, находясь в Токио, призывал Японию не изменять своего азиатского облика, паназиатского письма Сунь Ятсена к Инукаи²⁷, книги Гриффита Тейлора “Environment and Race” (“Окружающая среда и раса”)^{vii} до безудержного потока листовок. И здесь, чтобы отделить истину от фальши – как я попытался это сделать в отношении паназиатского и пантихоокеанского движений и их физических основ^{viii}, – требуется постоянное наблюдение за силовым полем, где опасные для жизни сверхнапряженности

(Hochspannungen) иногда посылают свои разряды друг против друга в совершенно неожиданных направлениях.

Попытка привлекательна, но не безопасна, не легко достижима. И все же она должна стать постоянной, чтобы нас не застали врасплох разрушающие культуру взрывы. Ибо нужно знать, включаются ли ныне эти уже фактически существующие промежуточные образования между “империей”, трансформированной в государство “народностью”, нацией и мировым сообществом – Лигой Наций в качестве моста или препятствия. Но общее представление об этом можно получить, если бы в геополитической критике современных панидей с такой безучастностью, какая вообще возможна лишь при чисто политико-географическом наблюдении за земной поверхностью, исследовались условия и возможности их существования в пространстве с всеобщей точки зрения – сухопутной и морской. Даже такое интересное и умное исследование, как научный трактат Карла Штруппа^{ix}, не имеющий географического фундамента, подвергается опасности, ибо принимает в расчет лишь словесные конструкции и мечтания сторонников некоторых панидей, а не их земные возможности. Однако заслугой Штруппа – автора работы “Wörterbuch des Völkerrechts” – остается то, что большинство панидей в его собрании ключевых терминов воспринимались как животворные и поистине творческие силы и были разработаны с такой тщательностью, как это позволяли динамически активное, проникнутое страхом (Woolf. “Revolt against Europe” – Вольф. “Мятеж против Европы”); проблема цветного населения) и волей к борьбе (Москва; Университет имени Сунь Ятсена)²⁸, осязаемое рабочее поле и опытный образец (Versuchsstück).

Кто соприкоснулся со становлением борьбы хотя бы одной-единственной среди крупных панидей нашего времени, тот знает, что объективное изложение, достижимое в других областях знания, в данном случае было бы возможно, если описать эту идею чисто ретроспективно, отступив от ее состояния примерно на десять лет (как это фактически имеет место во многих географических и страноведческих работах) и отказавшись от важнейшего – от взгляда на ее возможность воздействовать на настоящее и через определенные ступени на ближайшее будущее.

Именно такое геополитическое рассмотрение панидей непременно открывает взгляд на механизм, силовые линии и экспериментальные поля *нашего века*, нашего времени – и тогда предстает в движении сложная картина связанных, а не отдельных изолированных событий – и

встает извечный вопрос о родившемся вместе с нами праве. Такое рассмотрение панорамы находящегося на полном ходу машинного зала – удел не каждого; кто был приучен к статической точке зрения, тому такой откровенно выраженный динамический подход покажется не совсем удобным. Однако именно естественные, успешно вырастающие на почве, обусловленные природой основные черты и направления – это и есть то, что остается, более того, укрепляется и сызнова позволяет составить представление о пространственных возможностях определяемых волей маневров. Итак, именно в таком способе рассмотрения я усматриваю единственно возможный противовес обманчивому, путаному – часто из лучших побуждений – потоку речей и словесному камуфляжу, которые сознательно или неосознанно затуманивают как тенденции, так и очертания панидей. Поставив воздушный замок из бумаги на твердую почву, мы должны не только направить на него искусственный свет, но и подвергнуть его буре и грозе – устоит ли он в пространстве, столкнувшись с иными делами, – лишь тогда можно проверить его способность противостоять напору и давлению, имеющуюся или отсутствующую оборонительную энергию в качестве промежуточного сооружения между народным духом (Völkheit) и Лигой Наций!

Примечания

ⁱ (с.253) Ин. 18:36.

ⁱⁱ (с.254) Мф. 28:19.

ⁱⁱⁱ (с.259) *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германороманскому. СПб., 1995.

^{iv} (с.259) *Sarkar B.K.* The Futurism of Young Asia. Berlin, 1922.

^v (с.259) *Stoddard L.* The New World of Islam. New York, 1928.

^{vi} (с.259) *Ellis H.C.* Origin. Structure and Working of the League of Nations. London, 1926.

^{vii} (с.260) *Taylor G.* Environment and Race. London, u. Oxford, 1927.

^{viii} (с.260) *Haushofer K.* Das erwachende Asien // “Süddeutsche Monatshefte”, 1926. München; *Idem.* “Geopolitik des Pazifischen Ozeans”. II. Aufl. Berlin, 1928.

^{ix} (с.260) *Strupp K.* Panismus // “Frankfurter Zeitung”. 7.III.1927; “Pan-Europa”. VI.1929.

¹ У буддистов нирвана – чудное, бесконечное, благословенное место, где нет ни страданий, ни смерти, ни увядания, – место спасения и успокоения.

² Следует иметь в виду, что археологические и лингвистические изыскания, современная методика научного исследования значительно отда-

лили в глубь тысячелетий время сложения цивилизаций.

³ Светское государство пап – Папская область, или Вотчина святого Петра (Patrimonium Petri), – возникло в 756 г., когда франкский король Пипин Короткий передал во владение папе Стефану II территорию в центре Италии. В период своего расцвета оно включало около 1/3 итальянских земель. Папская область как монархическое светское государство просуществовала более одиннадцати веков; была ликвидирована в 1870 г. в процессе объединения Италии, когда Рим стал столицей нового государства. С тех пор возник так называемый римский вопрос – конфликт между Ватиканом и Итальянским государством из-за владений пап. Как уже упоминалось, конфликт был урегулирован лишь в 1929 г. Латеранскими соглашениями, предусматривавшими образование на территории Рима суверенного государства Ватикан.

⁴ Панамериканский союз был создан в 1910 г.; с 1948 г. выполняет функции административного аппарата Организации американских государств.

⁵ Флаг, отмечающий резиденцию мандарина.

⁶ “Предвидение без гнева и пристрастия” (лат.).

⁷ Нагорная проповедь – проповедь, которую, по преданию, произнес Христос; совокупность нравственных принципов христианской религии.

⁸ “Помни, ты вершишь власть над римским народом” (лат.).

⁹ По понятиям феодального средневековья, духовный меч – это наднациональный и всеевропейский авторитет “церковь”. В теории “двух мечей” нашли отражение основные принципы папской теократии, сформулированные папой римским Григорием VII (между 1015 и 1020 – 1085). Согласно этой теории, папству должна принадлежать не только высшая духовная власть в мире, но и высшая светская власть.

¹⁰ Речь идет об основателе династии Ахеменидов Кире Старшем (? – 530 до н.э.), происхождение которого окутано легендами. Согласно одной из них, он, хоть и царский сын, был подкидышем, воспитанным пастухом.

¹¹ Как уже упоминалось, Ашока – правитель государства Маурья в Индии, вел борьбу с брахманами. Их господству и авторитету нанес сильный удар, объявив государственной религией буддизм.

¹² См. примеч. 2. С. 200.

¹³ Ликторская связка (fascis) – пучок розог, обвязанный ремнями с секирой посередине, который носили ликторы на левом плече как символ власти в Древнем Риме.

¹⁴ Здесь, вероятно, имеется в виду Италия времен фашистского диктатора Муссолини, который мечтал возродить “Великую Римскую империю” с ее претензией на мировое господство. Итальянские фашисты, исходя из такой “философии истории”, предстали перед современниками с внешними символами и атрибутами Древнего Рима: салютование поднятием вверх правой руки, римский боевой клич “Эйялла”, дикторские знаки, римское обозначение боевых единиц – легионы, когорты, манипулы, центурии и т.д. Своеобразное значение в фашистском лексиконе приобрело слово “Рим”, фашисты употребляли его не только и не столько в смысле “Рим – столица Италии”, сколько “Рим – столица европейской и мировой цивилизации”.

¹⁵ См. примеч. 6. С. 19.

¹⁶ В 1054 г. единство христианского мира было нарушено религиозным расколом, католическая церковь стала подчиняться папе римскому, а православная церковь – византийскому патриарху Османские завоевания и взятие Константинополя турками углубляют это разделение, которое сохраняется и по сей день. Вероятно, автор имеет в виду великий раскол между папствами в Риме и Авиньоне (1378–1417). В результате этого раскола христианская Европа разделилась на две части Испания, Португалия, Франция, королевство Неаполь и Шотландия поддерживали авиньонского папу, другие – папу в Риме. Констанцкий собор (1414–1418) решил вопрос о расколе церкви.

¹⁷ Панисламизм – религиозно-политическая идеология, в основе которой лежат представления о “единстве” мусульман всего мира и необходимости их сплочения в едином мусульманском государстве. Оформился в конце XIX в.

¹⁸ Вероятно, имеется в виду создание государств крестоносцев на Востоке по феодальному образцу Западной Европы. Так, участники четвертого Крестового похода основали на завоеванной ими территории Латинскую империю (1204–1260). Эти государства распались под ударами турок.

¹⁹ Панславизм – так в Австро-Венгрии и Германии начиная с середины XIX в. называли идеологию западных славян, боровшихся за освобождение из-под власти турок и немцев, а также действия России в поддержку национальной независимости болгар, сербов, чехов, хорватов, словаков. В современной интерпретации это идея славянской культурно-политической взаимосвязи, находящая выражение в различных концепциях политической философии.

²⁰ Боробудур – буддийский храм на Яве, время его закладки относят к концу VIII в.

²¹ Многочисленные движения или течения во всемирной истории, в названии которых есть частица “пан-” (от *греч.* – все), употребляемая в сложных словах для обозначения явления в целом, неоднозначны как по форме, так и по содержанию. Отсюда широкая возможность их оценки и истолкования различными исследователями в зависимости от личных взглядов и убеждений, от желания акцентировать внимание на том или ином аспекте данного пандвижения, ведь оно, как всякое социально-политическое явление, может включать и позитивные и негативные элементы.

Такой подход отчетливо проступает и в рассуждениях Карла Хаусхофера, который осуждает одни пандвижения и позитивно оценивает другие без достаточных на то оснований, а порой и вопреки очевидной истине. Немецкий геополитик, бесспорно, прав, отрицательно оценивая доктрину панамериканизма. Действительно, ее основу составляет ложный тезис о не существующих в реальности географической, экономической и культурной “общности” и “единстве” всех стран Американского континента. Такие “общность” и “единство” в истории Американского континента, где сложились и сосуществовали не одна, а несколько цивилизаций, были и остаются фикцией Доктрина панамериканизма – не что иное, как политический инструмент Вашингтона. Примечательно, что организационный центр панамериканизма – Панамериканский союз, выполняющий функции административного аппарата так называемой “Организации американских государств”, находится в Вашингтоне.

В ином свете предстает, например, паниндийское движение, которое способствовало консолидации национально-освободительных сил и сыграло свою роль в завоевании Индией независимости. Следует заметить, что паниндийское движение Хаусхофер рассматривает с точки зрения глобальных интересов Германии в ее соперничестве с Англией, обладавшей в то время огромной колониальной империей, на развал которой делала ставку Германия в стремлении укрепить свои позиции в мире.

Когда же речь заходит о пангерманизме, то здесь очевидно откровенное стремление Хаусхофера выдать желаемое за действительное. Он не жалеет красок, чтобы придать привлекательный образ движению, которое за время своего существования в полной мере доказало свою шовинистическую, агрессивную сущность.

Пангерманизм – зародившаяся в конце XIX в идеологическая доктрина внешней политики Германии, направленная на включение в состав империи “добром или силой” всех земель, где в

той или иной мере существовали германские элементы населения. В колониальной политике пангерманцы стремились к созданию большой германской колониальной империи в Африке и Южной Америке.

Организационным центром идеологии пангерманизма стал “Пангерманский союз” (1891–1939), членами которого были видные парламентарии преимущественно консервативного направления, профессора из числа национал-либералов, юристы, промышленники, генералы и офицеры. Членами Союза являлись основоположники геополитики Фридрих Ратцель и Рудольф Челлен. Союз финансировался крупными металлургическими фирмами. Его пропаганда постепенно захватывала все более широкие круги.

Союз требовал создания обширной германской колониальной империи, призывал к переделу колоний, рекомендовал начать с малых держав (Португалии и Бельгии), но не останавливался перед захватом колоний Англии и Франции, ограблением и расчленением России, захватом Прибалтики, Украины и Кавказа. В Европе Пангерманский союз интересовали Скандинавия, Голландия, Дания и часть Швейцарии, которые должны были стать частями Германской империи. Пангерманцев особенно привлекало побережье Па-де-Кале по соображениям стратегическим и железорудные бассейны Брией и Лонгви по соображениям экономическим. Их аппетиты распространялись также на Бельгию и Францию. Пангерманцы советовали не обращать внимание на такие “мелочи”, как международное право, торжественное признание Германией нейтралитета Бельгии, призывали не церемониться с доктриной Монро, требовали превращения Португалии в немецкую колонию, а междуречье Тигра и Евфрата – в хлопковую провинцию Германии. Притязания пангерманцев затрагивали интересы народов Балканского полуострова, которые должны были стать ее вассалами. Союзную Австро-Венгрию предполагалось объединить с Германской империей. Вместе с Балканами она должна была стать мостом в Турцию, по которому пройдет пресловутый “*Drang nach Osten*” – “Натиск на Восток”.

Иными словами, Пангерманский союз занимался активной пропагандой империалистической экспансии Германии. Неудивительно, что из арсенала пангерманцев гитлеровцы заимствовали многие идеи.

²² Банзе Эвальд (1883–1953) – немецкий географ и военный писатель. В 1912 г. опубликовал свои соображения по поводу географического деления земной поверхности. Новый подход был продиктован стремлением установить такие

крупные области (Erdteile), в которых географической среде отвечала бы культурная индивидуальность. Так, для “Ориента” (Ближний Восток и Северная Африка) критериями, согласно Банзе, служат “степи” и ислам, для Монголии – не только степной и пустынный характер природы, но также расовые и религиозные признаки. В результате получилась эклектичная система, научная ценность которой весьма сомнительна. Банзе один из первых среди немецких географов принял нацистскую доктрину. Одна из основных работ Банзе – “Пространство и люди в мировой войне”, где он воспевал культ войны.

²³ 26 сентября 1907 г. британская колония Новая Зеландия получила статус доминиона.

²⁴ Доктрина Монро – декларация принципов внешней политики США, провозглашенная в послании президента Дж. Монро конгрессу 2 декабря 1823 г. Ее суть выражается в формуле “Америка для американцев”. В первой половине XIX в. доктрина Монро имела оборонительный характер и была направлена против какого бы то ни было вмешательства европейских государств, объединенных в Священный союз, в дела Американского континента. Вступлением в первую мировую войну США порвали с одним из руководящих принципов доктрины Монро – невмешательством в дела Европы.

²⁵ Бальбоа Васко Нуньес (1475–1517 гг.) – испанский мореплаватель-конкистадор. В 1513 г.

первым из европейцев пересек Панамский перешеек и открыл Тихий океан.

²⁶ Дрейк Фрэнсис (около 1545 – 1595 гг.) – легендарный английский мореплаватель и пират. Совершил второе после Магеллана кругосветное путешествие (1577–1580 гг.).

²⁷ Министр Японии.

²⁸ В 1925 г. Советское правительство приняло решение (в рамках сотрудничества с Гоминьданом) об учреждении в Москве Университета имени Сунь Ятсена. Это учебное заведение готовило прежде всего кадры политических работников-революционеров. Отбор будущих слушателей всецело доверялся китайской стороне. На открытии Университета в ноябре 1925 г. выступил Троцкий, проявлявший интерес к китайской революции как практической попытке осуществления “перманентной революции”. Первым ректором Университета был К. Радек, читавший там лекции по истории китайской революции. Известно, что осенью 1926 г. перед слушателями выступали Троцкий и Сталин, между которыми возникла дискуссия о характере китайской революции. По Троцкому, на повестке дня в Китае стояла социалистическая революция, по Сталину – буржуазная. Исходя из разных посылок, ораторы формулировали исходные принципы. Троцкий считал необходимым разрыв с Гоминьданом, Сталин – сотрудничество с ним. Университет функционировал до 1930 г.